

Вся
НОРТОН

Вся
НОРТОН

ЗОВ ЛИРЫ
ЗЕРКАЛО СУДЬБЫ

ЗЕРКАЛО СУДЬБЫ ФАНТАСТИКИ

ПЕРВЫЙ ФАНТАСТИКИ

Андрэ

НОРТОН

ЗОВ
ЛИРЫ

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Н 82

Andre Norton

Разработка серии и дизайн обложки *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

Нортон А.

Н 82 Зов Лиры / Андрэ Нортон ; [пер. с англ. О. Э. Колесникова, Д. Арсеньева]. — М. : Эксмо, 2013. — 672 с. — (Отцы-основатели).

ISBN 978-5-699-68105-1

Андрэ Нортон прожила долгую жизнь и успела создать множество прекрасных произведений, которые давно вошли в золотой фонд мировой фантастики.

Не случайно, что творчество Нортон высоко ценили братья Стругацкие. Один ее роман они перевели на русский язык, а другой — вдохновил Стругацких на создание книги «Полдень XXI век. Возвращение». Именно за богатую фантазию и живой язык произведения Андрэ Нортон полюбили миллионы читателей по всему миру.

В данное издание вошли первые два романа из цикла «Пять чувств» — «Зов Лиры» и «Зеркало судьбы».

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Колесников О., перевод
на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-68105-1

ЗОВ ЛИРЫ

Роман

РИФТ ЛЕЖАЛ в развалинах. Эта страна была опустошена не только огнем и мечами захватчиков, но и мощью черного колдовства. Над ней непрестанно клубились серые тучи, и прорывавшийся изредка солнечный луч не мог подарить бесплодной земле достаточно тепла и света, чтобы здесь снова возродилась жизнь. Угрюмая, бурная река рассекала Рифт на две почти равные части. Шелестящие остовы мертвого тростника скрывали очертания ее берегов. Испепеленный, разрушенный край.

Но кое-что сохранилось до сих пор — полуразваленный каменный фундамент некогда процветавшего, хотя и небольшого поместья. Фруктовые сады превратились в ровные площадки, утыканные обугленными, выгоревшими изнутри стволами деревьев.

К северу виднелись обе Высоты Аскада — казалось, что горная гряда когда-то была разрублена напополам неким чудовищным мечом. В давние времена там проходил Великий Высотный путь, но во время последней битвы неизвестно по чьему повелению горы сдвинулись, погребая под лавиной камней людей и животных, и древняя дорога перестала существовать.

С запада громоздились скалы, утесы, обрывы, ущелья и пики — дикая и неприветливая местность, которую человеку, может быть, никогда не суждено покорить и освоить. На востоке возвышалась еще одна гряда Высот, когда-то легко проходимая, но сейчас превратившаяся в неприступную камен-

ную твердыню, стерегущую подходы к Рифту. К югу... Вышло так, что разлом на Высотном пути отвел поток из русла реки. Вода устремилась в провал, и все земли, лежащие дальше к югу, оказались без животворной влаги и стали пустыней — смертельной ловушкой для путешественников.

Она ждала с самого рассвета. Сухая, костлявая женщина в штопаном-перештопаном платье, посеревшем от грязи и от времени. Выстирать его дочиста было невозможно, как нельзя добела отмыть серые камни, среди которых пряталась хозяйка этого ветхого одеяния.

Над Рифтом прошелестел легкий ветерок, не принеся с собой даже слабого запаха зелени и жизни, — только застарелую вонь смерти и давно угасшего пламени. Ветер захлопал отброшенным на плечи женщины капюшоном, разметал ее седые волосы, небрежно подрезанные ножом. Волосы упали на запыленное, бронзовое от загара лицо, и женщина нетерпеливо отвела их рукой.

Красотой она не отличалась — не нос, а клюв хищной птицы, глубоко посаженные глаза и узкая щель рта с тонкими, строго поджатыми губами. И все же в этом истощенном теле теплились целеустремленность и сильная воля — последняя искра жизни во всем Рифте.

С самых первых лучей солнца женщина, не отводя пристального взгляда, смотрела на север, изучая местность не только глазами, но и внутренним зрением. Ее губы сжались еще крепче. Да! Она ждала долго, очень долго и наконец дождалась!

Минуту спустя из черного зева бывшего Высотного пути, за которым начинался перевал Аскад, вынырнули черные точки. На солдат не похоже...

Та, которая в давние времена, когда Рифт кипел жизнью, звалась Дрин, впилась побелевшими пальцами в плетеную тесьму, служившую ей поясом. Потом провела языком по сухим губам. Пора...

Когда процессия подошла ближе, спускаясь по склону горы, Дрин быстро втиснулась в щель между двумя вертикальными валунами. Набросив капюшон на голову, она прижалась к серым камням и замерла. Никто не смог бы заметить

на фоне камней невзрачную фигурку в запыленной одежде, разве что самый зоркий и внимательный наблюдатель.

Нош устало пошатывалась при каждом шаге. Она равнодушно подумала, что скоро упадет. А Илды уже не было рядом, и никто не протянет ей руку, никто не поможет подняться. Нош всхлипнула, но на слезы не хватило сил. Она смотрела прямо перед собой, но не видела двоих детей, уныло бредущих впереди. У девушки перед глазами стояло видение, которое потрясло ее этим утром, — грязные, окровавленные ключья волос.

Должно быть, Илда высвободилась из сонных объятий Нош, выскользнула из-под их общего одеяла и вышла за пределы стоянки, чтобы облегчиться. Во время последнего перехода ее постоянно мучили колики в животе. А потом, когда Нош очнулась под вздохи и стоны просыпающегося лагеря... Болотные волки обнаружили, что жалкая горстка путников может быть легкой добычей, и этой ночью устроили кровавый пир.

Они были детьми, все до одного, в этой безнадежно шагающей в никуда шеренге. Когда-то, Нош уже не помнила, как давно это случилось, их собрали всех вместе, дали еду и кров... ее желудок сжался при воспоминании о еде... Так Нош повстречалась с Илдой и, как рано или поздно происходит с детьми, они подружились.

А потом пришли солдаты. У них были копья и мечи, и те, кто пытался защитить детей, упали мертвыми. Солдаты набросились на детей, собрали в кучу, как стадо домашних животных, — и погнали, убивая тех, кто отставал. Нош с Илдой не раз задавались вопросом: почему их не уничтожили сразу, как Хагина, или Фаркера, или тех, кто пытался их защитить? Но так и не поняли, почему всадники на тощих лошадях и в ржавых доспехах гнали их на юг.

Второй вопрос, который мучил девочек, состоял в том, почему погонщики выдавали несчастным совсем мало еды. И детям приходилось охотиться на ящериц и выискивать под камнями личинок и червей. Многие предпочли умереть, чем терпеть постоянные муки непреходящего голода.

Три дня назад их отряд добрался до места, где Высотный путь был перегорожен огромным обломком упавшей скалы. Погонщики помедлили, а потом заставили детей взбираться

наверх. Деваться было некуда — и весь отряд начал карабкаться по каменистому склону.

С каждым днем их оставалось все меньше, Нош не считала выживших. Ей было все равно. Илда погибла, и скоро она, как и ее подруга, почувствует, как смыкаются на горле безжалостные волчьи зубы. Ее тоже ждет горькая участь беспомощной жертвы.

Постепенно девушка сообразила, что ей, как и всем, уже не приходится то подниматься вверх, то спускаться вниз. Дорога стала ровнее и пошла под уклон. Нош даже удалось догнать идущих впереди, хотя ничего хорошего в этом и не было. Она не знала, почему продолжает идти, но что-то в глубине души поддерживало последние силы и заставляло перебирать ногами.

Девушка споткнулась об острый угол камня. Ее сандалии давно износились, и она постоянно сбивала ноги в кровь. Впереди виднелась какая-то река. Авангард их небольшого отряда уже достиг берега.

Нош опустилась в пыль и потеряла раненую ногу, не сводя глаз с манящих прохладных вод. Ей хотелось пить.

— Алноша!

Девушка вскинула голову. Ее действительно кто-то позвал или просто почудилось? Как давно она не слышала своего имени! Так давно, что даже не могла вспомнить, когда именно.

— Алноша!

Так, зов определенно донесся вон от тех камней. Но никто, даже Илда, не знал, что Нош — это сокращение от более длинного имени.

— Я... — начала девушка, но природная осторожность, свойственная слабым, заставила ее произнести: — Меня зовут Нош.

Высокий камень двинулся с места. Нет, это был не камень, а человек — женщина в длинном балахоне цвета пыли.

— Ты — Алноша, — промолвила женщина и присела рядом с ней. Она достала из поясного кошелька небольшой зеленоватый хлебец, поймала руку Нош и сжала слабые пальцы девушки.

— Ешь, дитя.

Хлебец пах как-то странно, но девушка, недолго думая, впилась зубами в лепешку. Она набила полный рот, словно

опасаясь, что кто-то может наброситься и вырвать из рук ее сокровище. Тем временем женщина приподняла ногу Нош и начала ощупывать синяк на ступне.

— Кожа не повреждена, хорошо. Здесь вся земля отравлена, умереть можно от чего угодно, даже от пыли. Но оставаться тут мы не будем, Алноша. Для тебя уже готово гнездышко.

Не успела Нош пошевелиться, как незнакомка подхватила ее и понесла. Кто бы мог подумать, глядя на эту тощую, как скелет, женщину, что у нее хватит сил поднять девушку?

— Они... остальные... мы поможем им? — спросила Нош. Теперь, когда опасности безнадежного путешествия больше не касались ее, девушка вспомнила о своих несчастных товарищах.

— Лира плетет нити многих судеб, малышка. Мне известна лишь одна. Я могу приходить на помощь, выполняя Ее наставления. Остальные окончат свои жизни так, как лягут нити на прядку Лиры. А тебя, Алноша, ждет особая судьба.

Она шла, петляя между камней, пока не выбралась к обломкам стен — в большинстве своем оставшихся на месте, хотя и закопченных давним пожаром. Среди развалин обнаружили две вполне уцелевшие комнаты — со стенами и даже под крышей.

На стенах сохранилась витиеватая резьба с остатками краски в самых глубоких завитках. Под одной из стен с поблескивающими вкраплениями горного хрусталя оказалось убогое ложе из тростниковых циновок. Женщина устроила Нош на этом ложе.

Затем Дрин метнулась в угол, где стоял каменный сундук, откинула крышку и извлекла ворох сухих листьев.

Нош успела расправиться с хлебцем и теперь слизывала с грязных пальцев прилипшие крошки. Она не просила еще: в прошлом бедняжке никогда не перепало еды больше одной порции за раз.

Женщина растерла лист на ладони, двигая пальцами размеренно, как мельничными жерновами. Сухой листик превратился в пыль. Потом Дрин плеснула на ладонь немного воды из высушенной тыквы, отчего пыль стала больше похожа на пасту. Результат, видимо, удовлетворил женщину. Она подошла к Нош.

— Давай-ка полечим тебя, дитя.

И потеряла полученной массой синяк на ноге девушки. Не поднимаясь с корточек, женщина поглядела прямо в глаза Нош.

— Я — Дрин, — негромко представилась она. — Мое имя — это все, что у меня осталось от прошлой жизни.

— Ты здесь живешь? — спросила Нош с любопытством, впервые пробудившимся в ней за это тяжелое утро.

— Здесь и повсюду, — уклончиво ответила Дрин. — Теперь это и твой дом, малышка. Такова Ее воля.

— Кого? — не поняла Нош.

Суровые губы Дрин дернулись, словно она собиралась улыбнуться, да вот только позабыла, как это делается.

— Наша Госпожа Лира, маленькая Алноша. В свой срок ты узнаешь обо всем. А пока хорошо бы подкрепиться. Что ты думаешь о добром куске тушеного мяса?

В углу комнаты пылал очаг. Из низко подвешенного котелка по комнате разливался такой аппетитный аромат, что у Нош заурчало в животе. Дрин взяла черпак и наполнила до краев каменную чашу, вырезанную с большим искусством. Стенки ее были такими же тонкими, как и у глиняной посуды. По краю чаши тянулся сверкающий серебряный ободок, а всю поверхность диковинной вещицы покрывала причудливая резьба.

Нош бережно приняла чашу двумя руками. От нее шло успокаивающее тепло. Девушка понимала, что варево слишком горячее, потому принялась вертеть чашу в руках, чтобы содержимое поскорее остыло.

Бедняжка отхлебывала густую ароматную жидкость. От горла до желудка прокатилась теплая волна. Нош не могла бы описать свои ощущения — словно в зябкий зимний вечер кто-то набросил ей на плечи пушистое одеяло.

Она выпила всю чашу до дна, тем более что порция была небольшой. А затем, позабыв обо всех хороших манерах, вылила посуду, собирая языком остатки соуса.

Дрин не мешала девушке наслаждаться кушаньем. Она положила ворох сухих листьев обратно в каменный сундук, закрыла крышку и двинулась к противоположной стене. Там стоял странный стол. Он был вытесан из камня и частично уходил прямо в стену, опираясь только на две каменные нож-

ки. На столе громоздились стопки толстых книг, да таких старых, что их кожаные переплеты во многих местах повитерлись и обтрепались.

Нош знала, что это были настоящие книги. Когда-то... да, когда-то она видела такие книги. Они... их бросали в большой костер. А вокруг стояли солдаты... и кто-то в черно-красном...

Девушка затаила дыхание, погрузившись в воспоминания. Книги... пришли солдаты и еще кто-то... и они... убивали.

Сперва убили книги, а потом круглолицего человека в зеленом балахоне, испачканном чернилами. Обычно его лицо лучилось добротой и смехом, а сейчас застыло ужасной маской. Они... толкнули его в костер. Она попыталась закричать, но ее рот запечатала чья-то рука, не давая издать ни звука. И Нош провалилась в темноту.

Когда мрак рассеялся, она оказалась в полуразрушенной хижине вместе с Илдой. И тогда Нош оттринула воспоминания и начала жить настоящим днем, не пытаясь ни заглянуть в прошлое, ни предугадать будущее.

— Они жгут книги, — произнесла девушка. Нужно предупредить Дрин, ведь эта женщина так добра к ней. Может, она не знает, какой кошмар поджидает тех, кто прячет книги.

Дрин подошла к столу и протянула руку к одному из фолиантов. Услышав слова Нош, она оглянулась через плечо.

— Да. Книги — это знания, собранные мудрыми людьми всех времен и народов. Если их уничтожить, дитя, то сколько нужных знаний будет утеряно! Теми, кто бросает книги в огонь.

— Они могут прийти сюда... — пробормотала Нош, стараясь объяснить свою тревогу.

— Зачем? Все, кто жил здесь, уже мертвы. Думаю, что поджигатели больше не заявятся сюда. Тот, кто посылает их, уже сделал все самое худшее, на что только хватило его колдовства. Остались эти книги, и ты, Алноша, будешь учиться по ним... и этого не изменить. Мне приснился вещий сон, я увидела во сне тебя. И вот ты здесь.

Так в судьбу Нош вплелась новая нить, а в Рифте затеплилась еще одна искра жизни. Приходилось тянуться изо всех сил, но девушка росла и училась и постепенно достигала совершенства.

НЕСМОТРЯ НА СВЕТИЛЬНИКИ в стенных нишах и факелы, большой зал тонул в полумраке. В воздухе висело плотное, удушающее облако курящегося фимиама. Крин сжимал в левой руке мокрый лоскут и все чаще подносил его к лицу, прикрывая нос и рот. Это был единственный способ побороть подступающее чихание, которое может привлечь внимание всех собравшихся у алтаря.

Два часа назад юноша взобрался на поперечный брус под крышей Храма, улучив минуту, когда служители удалились на ужин и молельный зал остался практически без охраны. Да и кто осмелится навлечь на себя гнев Голоса Зеллона, вторгшись в святая святых местного Храма?

Крин приник к балке, пустив в ход все умение маскировки, которому его обучали лесные охотники. Тяжелая ряса послушника плотно облегла тело. Жара стояла невыносимая, но юноша боялся шелохнуться и расправить затекшие конечности. Глядя вниз с высоты, он чувствовал сильное головокружение, его подташнивало, и желудок стремился взлететь к самому горлу.

Ох, как ему было плохо — от одуряющего запаха фимиама, от жары и высоты, с которой он наблюдал за позором своего Дома. Его Дом... юноша ощерил белые зубы в угрожающем волчьем оскале.

Когда они уже прекратят терзать слух своими воплями? Конечно, ради такого случая они решили провести все церемонии, какие только могли вспомнить! Не каждый день втаптывают в грязь один из Высших Домов. Это был звездный час Валкара, и он собрался сполна насладиться своим триумфом. Молельный зал плотными рядами заполняли те, кто повиновался его воле. Они не сводили глаз с алтаря.

Крин заметил голубые плащи Зайнов, чернозеленые — Горанов, и красные — Джаспаров. Пусть смотрят, если они так слепы, что не понимают: пройдет совсем немного времени, и их Дома последуют за Домом Кунионов.

Там... там... Крин заставил себя взглянуть на группу людей в одеждах коричневых тонов — это были родовые цвета его Дома. Он быстро сглотнул и потер мокрым лоскутом гла-

за и чешущийся нос. И отвел взгляд, он больше не хотел видеть *этих* людей.

Выкрики умолкли на самой высокой ноте. К алтарю шагнул человек в богатом храмовом одеянии и митре, похожей больше на корону. Он повернулся и величественно поклонился алтарю, на котором не было ни статуи, ни какого-либо изображения божества. Всемогущий и Вездесущий не опускался до того, чтобы являть себя взорам собственных рабов.

Валкар снова торжественно повернулся, на этот раз уже к притихшей толпе. Слева от него стоял человек в унылой серой одежде, которую носят рабы. Красный шнур через плечо выдавал в нем надсмотрщика. Справа от Валкара возвышался начальник храмовой стражи. Юный шпион, примостившийся под куполом здания, так и не смог разглядеть его лица под глубоко сидящим шлемом.

Зловеще загудела труба, вырезанная из рога варга. Так надсмотрщики созывают рабов на работу. Наступила полная тишина, словно все, собравшиеся под куполом Храма, затаили дыхание.

Затем из группы людей в коричневом выступил мужчина в кольчуге. В одной руке он держал боевой шлем, а второй сжимал рукоять меча, висящего в ножнах.

Крин снова прижал тряпку к глазам. С его губ готовы были сорваться все ругательства, какие он только знал, но юноша усилием воли совладал с собой. Во рту скопилась горькая слюна.

Валкар ждал, когда воин в кольчуге подойдет ближе. Он был спокоен и не сомневался, что сумеет справиться с жертвой, попавшей в его умело расставленные сети. Все пройдет гладко, как было уже три раза за последние четыре года. И еще один Дом будет вычеркнут из Свитка Высокорожденных.

Воин остановился у подножия лестницы, ведущей к алтарю. Вскинул голову и устремил взгляд на Голос Зеллона. В гробовой тишине зазвенел покотившийся по каменным плитам пола шлем, который мужчина выронил из рук. Не сводя глаз со жреца, он расстегнул пояс, и родовой меч упал на пол...

Крин задохнулся и впился зубами в запястье, чтобы не закричать от стыда и отчаяния.